

Очерк написан в продолжение интервью главного редактора журнала «Берега» Лидии Довыденко и поэта и публициста Сэды Вермишевой, которое было опубликовано в шестом номере журнала «Берега» за 2018 год.

Прежде всего, я хотела бы немного дополнить и уточнить нашу предыдущую беседу. Речь идёт о моём высказывании относительно неприязни к излишествам, неприятию их в условиях отсутствия необходимого, проявившееся во мне в раннем детстве на подсознательном уровне. Правомерность этого детского подсознательного чувства подтвердилась много лет спустя, когда я прочла научный доклад Римского клуба – авторитетнейшей организации в рассматриваемой области Западного мира, в рамках его проекта «Проблемы человечества, вышедшего ещё в начале 70-х годов. Авторы – Донелла и Деннис Медоузы в этом докладе поставили задачу «определить пределы экономического и демографического роста человеческой цивилизации в условиях истощения природных ресурсов» (Википедия. «Пределы роста»). Они настойчиво и убедительно обращали наше внимание НА ГЛАВНОЕ ПРОТИВОРЕЧИЕ СОВРЕМЕННОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ – ПРОТИВОРЕЧИЕ МЕЖДУ ЧЕЛОВЕКОМ И СРЕДОЙ ЕГО ОБИТАНИЯ. ИМЕННО ОНО, ЯВЛЯЕТСЯ СЕГОДНЯ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫМ, И ПОКА НЕРАЗРЕШЁННЫМ ПРОТИВОРЕЧИЕМ НАШЕГО БЫТИЯ.

ИСХОДНЫМ ЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЛОЖЕНИЕ: ЧЕЛОВЕК – ЧАСТЬ ПРИРОДЫ, И ОН САМОВОЗОБНОВЛЯЕМ. ПРИРОДНЫЕ ЖЕ РЕССУРСЫ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ НЕОБХОДИМЫМ УСЛОВИЕМ ЕГО БЫТИЯ, ТАКОВЫМИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ, – ОНИ НЕ САМОВОЗОБНОВЛЯЕМЫ. НЕРАЗРЕШЁННОСТЬ, КОТОРАЯ МОЖЕТ ПЕРЕРАСТИ В НЕРАЗРЕШИМОСТЬ ОТМЕЧЕННОГО ПРОТИВОРЕЧИЯ, СТАВЯТ ПОД УГРОЗУ БУДУЩНОСТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Игнорирование этой реальности грозит человечеству глобальной катастрофой. Отсюда – необходимость поиска, нахождения и воплощения в реальной жизни модели сбалансированного развития мира. В повестке современного общества этой проблеме должно принадлежать ведущее место.

И вот, через много лет, передо мной новая работа Римского клуба, его юбилейный доклад, вышедший в конце 2017 года с говорящим названием: «ДАВАЙ ЖЕ!» Он всколыхнул во мне прежние мысли о неприятии излишеств в условиях отсутствия необходимого, даже сделав эти мысли более радикальными, чем они были раньше.

Его авторы, ученые с мировым именем, А.Вийкман и Э.Вайцеккер, как и другие соавторы доклада, утверждают, что «КАПИТАЛИЗМ – ТРУП. ЧТО КЛАССИЧЕСКИЙ КАПИТАЛИЗМ НЫНЕ ЗАМЕНЁН ЕЩЁ БОЛЕЕ ХИЩНОЙ ЕГО ФОРМОЙ, – ФИНАНСОВЫМ КАПИТАЛИЗМОМ, КОТОРЫЙ ПРИВЁЛ К ВЫРОЖДЕНИЮ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО СПОСОБА ПРОИЗВОДСТВА ДО УРОВНЯ ФИНАНСОВЫХ И БАНКОВСКИХ СПЕКУЛЯЦИЙ, УНИЧТОЖИВШИХ ИДЕИ ЛЮБОГО РЕАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И ПРОВОЗГЛАСИВШИМ ПРИМАТОМ ЛЮБОГО БИЗНЕС–НАЧИНАНИЯ «ПРИБЫЛЬ РАДИ ПРИБЫЛИ», что в итоге привело к «практическому разделению (экономики С. В.) на фиктивные, но формально высокодоходные сферы, и на стагнирующую и разрушающуюся реальную экономику, которая всё больше попадает в зависимость от конечности и даже недоступности природных ресурсов» (там же). Экономическая же модель, преследующая в качестве основной мотивации получение прибыли, по определению, не может лечь в основу гармонического развития мира. Она индифферентна по отношению к её материальному наполнению. Из этого следует вывод: существующая модель развития мира должна быть заменена моделью, предусматривающей баланс между демографией и ресурсной базой земли. Мне представляется, что именно таков вызов нынешнего времени, таков его императив. Насколько адекватно ответит человечество на этот вызов, будет зависеть быть или не быть самому человечеству. Под влиянием этой реальности основным посылом авторов юбилейного доклада стал призыв: «НЕОБХОДИМ МАКСИМАЛЬНО БЫСТРЫЙ ДЕМОНТАЖ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ МОДЕЛИ ЭКСТЕНСИВНОГО РАЗВИТИЯ КАПИТАЛИЗМА И РАЗРУШЕНИЕ СИСТЕМЫ ГЛОБАЛЬНОГО ФИНАНСОВОГО ПАРАЗИТИЗМА» (там же).

В этой связи авторами рассмотрен широчайший аспект возникающих проблем, в том числе концептуального характера; в частности, о необходимости ИЗМЕНЕНИЯ СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЧЕЛОВЕКА, его понятийной системы и мировоззрения. Подчёркивается необходимость в «фундаментальной трансформации его мышления». В докладе справедливо утверждается, что мышление должно быть открыто развитию, но не в ущерб будущему. Общественное благо ставится ими ступенью выше индивидуального и что «государство будет устанавливать правила для рынков, а не рынки – государству». Авторы назвали эти положения Новым Просвещением.

И действительно; читая материалы доклада, мне подумалось, что я попала в век Просвещения с его поисками высоких смыслов и утверждения понятийных систем, отвечающих представлениям о справедливости, служении, превосходстве духовного над материальным, с его поклонением высокому перед лицом торжества неуклонно надвигающегося царства плоского прагматизма алчности и корысти.

И если уж на то пошло, в какой-то момент мне показалось, что пером его авторов водили приоритеты русского национального сознания, когда, как утверждает Фурсов: «общее выше личного, справедливость выше закона, духовное выше материального, служение выше владения, власть выше собственности» (газета «Слово» 02.11.18.), что созвучно и с русской православной традицией. Уверена; отмеченные положения рассматриваемого доклада были бы актуальны и в современной России, где ещё не совсем забыты установки и ценности её, не столь уж и далёкого, прошлого. Но парадокс в том, что доклад этот прозвучал в рамках европейской, а не российской организации, не Изборского или Валдайского, а Римского клуба, который призвал к демонтажу современного капитализма в интересах будущего человечества, являясь плотью и кровью этого самого капитализма в то время, как в совсем ещё недавно социалистической стране утвердился капитализм, и при том в наиболее его деструктивной ипостаси. Почему и как это могло произойти – тема специального разговора. Сейчас же, по мнению авторов доклада, общество должно сделать главное – осознать необходимость (повторю цитату) «демонтажа существующей системы экстенсивного развития капитализма и разрушения системы глобального финансового паразитизма» не дожидаясь, добавлю от себя, прихода худших времён.

Следовательно, главной задачей современности нужно считать построение гармоничного мира, а не, к примеру, коммунизма, с его лозунгом: «каждому по потребности!», как это было в совсем недавнем прошлом. С сегодняшних позиций этот лозунг – «каждому по потребности» – может рассматриваться только как недоразумение. Особенно антинаучно, подобием безграмотной химеры он выглядит на фоне выводов доклада Медоузов «Пределы роста». Но в те годы он был официальной установкой. А когда мне, ученице 7-го класса, довелось усомниться в его реальности – меня

исключили из школы. В обществе же постепенно нарастало ощущение несовершенства советской экономической системы и необходимости её коррекции. Набирало силу диссидентство, самиздат. Волей случая мне посчастливилось познакомиться с работами американского учёного, экономиста и практика, общественного деятеля, соратника Ф.Рузвельта Джона Гелбрейта, а через него и с экономической теорией выдающегося английского учёного Кейнса. До этого же я об этой теории ничего не знала, хотя с отличием окончила экономический факультет Ереванского Государственного Университета, и в учебную программу нашего факультета входил такой предмет, как «История экономических учений».

Как произошло моё знакомство с учением Кейнса? Я должна пояснить, что замалчивание – самый верный и лучший способ нейтрализации, блокирования конкурирующей системы. Так, в данном случае, представляется мне, обстоит дело с учением Кейнса, по крайней мере, на территории стран бывшего СССР, с учением, в котором признаётся регулирующая роль в экономике государства, а не рынка. Субъектность рынка в этом случае отрицается. Моё же знакомство с учением Кейнса носило случайный характер. Дело было в Москве. В редакции одного из московских толстых журналов мне предложили написать рецензию на книгу воспоминаний вышеупомянутого Д.К.Гелбрейта. Вернувшись в Ереван, пробовала достать эту книгу. Но в городских библиотеках Еревана её не было. Тогда я обратилась к своей школьной подруге – её муж был первым секретарём ЦК Компартии Армении. Из библиотеки ЦК Армении мне принесли испрошенную книгу. Я её не просто читала, я её изучала. Теория Кейнса в ней была изложена весьма подробно и доступно, и мне показалось, что ничего более подходящего для корректировки нашей советской плановой экономики нет. Я написала об этом в своей статье и в первую же поездку в Москву отнесла в редакцию журнала. Но мне её вернули, мотивировав ожиданием от меня статьи, касающейся мемуарной, а не экономической части книги. А через какое-то время я услышала заказывавшего мне статью редактора и отвергнутого мной текст в качестве ведущего радио «Свобода». Вещание шло на Россию. Через какое-то время я опять услышала его, но вещавшего уже по той же «Свободе» на Украину. В это же время в СССР ушло в отставку правительство Н.И.Рыжкова. Вразумительных объяснений не было. Но как мне тогда показалось, коррективы в советскую экономику правительством Рыжкова предполагались в духе кейнсианской теории, с учётом, конечно, советской специфики, как потом они были проведены в Китае – с китайской спецификой. В стране же на смену правительству Н.И.Рыжкова после В.С. Павлова уже после распада СССР пришло правительство Е.Гайдара с его рыночными реформами, основанными на теории чикагской экономической школы Милтона Фридмана, с его монетаристской догматикой отрицания какого-либо государственного вмешательства в регулирование рынка, господствующей сегодня в Соединённых штатах в качестве официальной. Получалось, что перестройка – зарубежный заказ, и скроен он по лекалам наиболее антигосударственной, отрицающей роль государства как такового зарубежной экономической теории. «Чикагские мальчишки» подвергли страну шоковой терапии – либерализации цен и приватизации госсобственности, лишившие её прежней субъектности, с последующей трансформацией страны из промышленной державы в сырьевой придаток Запада. С первого же момента меня ужаснула идея приватизации в предлагаемом правительством Гайдара варианте. Мне она сразу увиделась в истинном своем свете, – как демонтаж страны, переход её в руки частных лиц, как контрреволюция под флёром заморских, не очень понятных слов типа «ваучеризация», «приватизация» и пр., а также посыл личного процветания каждому. Моё возмущение и неприятие происходящего в стране не знало границ, – писала статьи, собирала митинги, старалась донести до общественного сознания пагубность нововведений. И мне казалось, что продвижение руководством Ельцина этих пагубных реформ идёт от недопонимания их гибельности. И мне, в моей наивности и самоуверенности одновременно, показалось, что если я встречу с Ельциным, я смогу донести до него истину. И он остановится. Личный телефон Ельцина я взяла у Тельмана Гдляна. До этого мне привелось способствовать его переезду в Ереван и избранию его и Николая Иванова, его коллеги, депутатами в армянский парламент, где депутатская неприкосновенность ограждала бы их от возможных репрессивных мер со стороны центральной власти. Гдлян дал мне личный телефон Ельцина. Но в Армении тогда действовал режим чрезвычайного положения. При посадке в самолёт пассажиры тщательно обыскивались. И я решила записать телефон Ельцина в записную книжку, предварительно зашифровав его. Но, когда я прилетела в Москву, – обнаружила, что не могу расшифровать мной же зашифрованный номер. Возможности своей

памяти я переоценила. Тем не менее, как это не наивно выглядит сегодня, желание и потребность встретиться с Ельциным меня не покидало. На том временном отрезке в Москве активно велась работа группы, под названием «Московская трибуна», в которую входили и депутаты Верховного Совета СССР, в частности, широко известной тогда «межпарламентской группы». Я попросила одного из них, депутата Виктора Шейниса, дать мне личные координаты Ельцина. Я подробно рассказала ему свою задачу. И мы откровенно поговорили с ним о проводимых в стране реформах, тем более, что В.Шейнис по образованию был экономистом, признанным в этой области учёным, и мы оба давали оценку реформам, я – свою, он – свою. Я – негативную, он – неуверенно возражал, ссылаясь на мировой опыт и успехи экономики стран капиталистического мира. Насчёт же возможности моей встречи с Ельциным он сказал мне буквально следующее: «А Вы уверены, что Ельцин не понимает того, что он делает?» Я ответила утвердительно. И тогда он сказал весьма категорично: «Ельцин всегда делает только то, за чем или за кем стоит сила». Я спросила: «Значит, сила за теми, кто проводит подобные реформы»? Он ответил утвердительно. Мне стала понятна расстановка сил в стране, и смысл во встрече с Ельциным отпал сам собой. А проводимые в стране реформы стало возможно рассматривать как заказ тех, за кем – сила. Через какое-то время услышала в кругу людей, достаточно осведомленных, что правительство Гайдара действует по инструкциям Международного Валютного Фонда, и о желании встречи с Ельциным я, соответственно, перестала думать, окончательно уразумев тщету затеи. В этой связи вспомнила я тогда и отказ от публикации моей статьи советским публицистом, оказавшимся по совместительству ведущим радио «Свобода», и отставку правительства Рыжкова – поборника реформ иного толка. И сейчас, когда говорю об этом, ещё раз убеждаюсь в заказном характере перестройки в том виде, в каком она происходила и продолжает происходить сегодня. Проведённый же правительством Гайдара переход страны от социалистической модели экономики к модели Чикагской школы Фридмана, как и следовало ожидать, не сработал, темпы роста экономики в России находятся на уровне 1-го процента (Н.И.Рыжков «Тернистый путь России» М. «Вече». 2018г.), что говорит об изначальной несостоятельности взятого курса, и во мне укрепляется убеждённость, что перестройка – способ уничтожить соперника на мировой арене, иным, не военным путём, потерпев неудачу в предыдущих войнах. Китай же, встав на путь регулируемой, не рыночной, не монетаристской модели экономики, за последние 40 лет увеличил свой ВВП в 37 раз. До реформ он был ниже, чем в России в 4 раза. Сейчас он в 4 раза выше (Википедия). Остался Китай верен и гуманистическим идеалам, провозгласив своей целью – создание в этих трансформациях человечества единой судьбы от Тихого океана до Атлантики.

У меня же возникло ясное представление о том, кто и куда, в каких целях завёл страну за последние тридцать перестроечных и постперестроечных лет, необходимость Нового Курса, политического и экономического, на этот раз не США, а России, построенного на началах регулируемой экономики и противовес проводимому правительством курса образца чикагской школы монетаризма.

